

ОПИСАНІЕ ГЕРМАНСКАГО СВЕРХЪ-ЦЕПЕЛИНА.

Однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній германской техники несомнѣнно являются гигантскіе воздушные корабли, или, какъ ихъ называютъ по фамилии ихъ изобрѣтателя, цепелины, причемъ свѣдѣнія о конструкціи этихъ сооружений, до настоящаго времени были довольно разпорѣчны и только недавно, послѣ того, какъ англичанамъ удалось сбить на своей территоріи нѣсколько такихъ кораблей, можно было изучать всѣ детали ихъ конструкціи. Такими цепелинами были: „L. 21“, упавшій 21-го августа вблизи Лондона, „L. 32“ и „L. 33“, упавшіе 11-го сентября въ графствѣ Эссексъ и, наконецъ, еще два такихъ воздушныхъ корабля, сбитыхъ во время послѣдняго 44-го воздушнаго набѣга на территорію Англии 15-го ноября. Изъ всѣхъ этихъ цепелиновъ, наиболѣе сохранился послѣ своего крушенія „L. 33“, осмотрѣть который было разрѣшено англійскимъ журналистамъ, и въ газетѣ „Times“ приводится его описаніе, которое заключаемъ въ слѣдующемъ.

Остовъ этого воздушнаго корабля имѣетъ длину отъ 650 до 680 футовъ и наибольшій діаметръ 72 фута. Онъ имѣетъ притупленную носовую часть и заостренную кормовую, причемъ его скрѣпленія сдѣланы изъ алюминія, почему онъ, несмотря на большіе размѣры, вѣситъ всего 9 тоннъ. Въ этомъ остовѣ помѣщается 24 балонета съ газомъ общей вмѣстимостью 2 милліона кубическихъ футовъ, а подъ нимъ помѣщается узкій проходъ, шириной 9 дюймовъ, служащій для сообщенія между гондолами этого корабля. Гондолъ имѣется четыре, причемъ они также сдѣланы изъ алюминія и размѣщены: одна въ передней части корабля по его діаметральной плоскости, двѣ по срединѣ помѣщены рядомъ и четвертая, въ кормовой части, также по діаметральной плоскости. Моторовъ имѣется 6, системы Мерседесъ-Майбаха, по 240 силъ каждый, вѣсомъ около 28,5 пудовъ, причемъ они развиваютъ скорость полета въ 90 верстъ въ часъ. Эти моторы размѣщены по одному въ передней и средней гондолахъ, а въ задней ихъ имѣется три и каждый изъ моторовъ дѣйствуетъ на отдѣльный винтъ. Запасъ топлива равенъ 2.000 галонновъ (около 800 ведеръ) нефти, благодаря чему радиусъ дѣйствія этого воздушнаго корабля равенъ приблизительно 800 верстамъ.

Все управленіе этимъ цепелиномъ сосредоточено въ передней части носовой гондолы и помѣщается въ командирской каютѣ, въ которой имѣются приборы для управленія рулями, какъ вертикальными, такъ и горизонтальными, телеграфы къ моторамъ, указатели скорости и высоты полета и приборы для бросанія бомбъ. Свади командирской каюты помѣщается рубка безпропелочнаго телеграфа, которая покрыта особымъ изолирующимъ веществомъ для устраниенія какихъ-либо наружныхъ звуковъ. Вооруженіе состоитъ изъ 60 бомбъ, подвѣшиваемыхъ подъ остовомъ цепелина, 2 скорострѣльныхъ орудій калибромъ 0,5 дюйма, помѣщенныхъ на особыхъ площадкахъ на передней части остова, и 7 пулеметовъ, изъ которыхъ по два помѣщено въ передней и задней гондолахъ и по одному въ каждой изъ боковыхъ гондолъ, а 7-й пулеметъ помѣщается въ задней части остова корабля. Экипажъ его состоитъ изъ 22 челоувѣкъ, а общій вѣсъ цепелина, вмѣстѣ съ его вооруженіемъ, запасомъ топлива и людьми равенъ 50 тоннамъ. Что же касается времени его постройки, то на многихъ приборахъ имѣется клеймо 14-го июля 1916 года нов. ст., откуда видно, что онъ очень недавно выпущенъ съ завода.

Русскія солдаты и его служба въ народныхъ возрѣніяхъ.

Народное творчество и въ текущіе дни великой войны.

Перепечатка воспрещается—законъ 20-го марта 1911 г.

(Продолженіе). *)

III. Служба; связь съ домомъ, семьей и «родной сторонущею»; солдатское письмо.—Ожиданіе войны.

Пусть хоть стгла-бъ голова:
Только-бъ за моремъ узвали
Русь Святая какова!.

(Солд. пѣснь старин.).

Народныя открытки, по крайней мѣрѣ заграничныя, это орудіе политической, социальшой, партійной, выборной и даже религіозной пропаганды, а также распространеніе открытокъ—это пути проведенія патріотической, образовательной (культурной) и экономической тенденцій и что для насъ, военныхъ, чрезвычайно важно—мили таризаціи народовъ. ¹⁾

*) См. «В. Сб.» с. г. №№ 2—10, въ № 2-мъ обзоръ всего содержанія труда и источниковъ.

¹⁾ См. вышеупомянутую нашу статью.

Въ послѣдніе три-пять лѣтъ «открытки» стали наводнять собою базары, а черезъ нихъ и деревни... Плохо, что въ народныя и рабочія массы идетъ и такъ называемая «международка», т. е. карточки неопредѣлимой національности (по мѣсту печати), и всегда отрицательнаго качества по тенденціи. ²⁾

Въ большинствѣ солдатскія открытки составляютъ или подражаніе нѣмецкимъ образцамъ или же онѣ непосредственно нѣмецкія (printed in Germany) съ русскими надписями-подписями, причѣмъ русскія или латышскія, эстонскія и др. инородческія строки, такъ сказать, ассимилирующія иностранные образцы съ російскими, сочетаются съ германской каской или литерами «К. и К.» (императорско-королевскій) на матросскихъ фуражкахъ...

Съ началомъ текущей войны печатаются, можно сказать, не только солдатскія, сколько вообще открытки военнаго характера, но все же, преимущественно, на сюжеты солдатской походной обстановки, боевой жизни и т. п.

Кстати будетъ замѣтить, что русская деревня относительно недавно стала писать письма...; *о письмѣ*— всего двѣ-три поговорки-пословицы и только теперешняя частушка стала пѣть-говорить о письмѣ.

Дѣвушки много поютъ о письмахъ отъ солдатъ:

Пришло отъ милого письмо
Отъ маменьки скрывается;
Въ черной юбкѣ, въ кармашкѣ,
Каждый донь читается.

Милый пишетъ, что невесело,
А я не веселюсь,
Каждый день хожу печальная,
Слезамъ горькими льюсь.

Но вотъ печальное свидѣтельство безграмотности деревни:

Не пиши, прятка, писемъ,
Нѣкому писать отлѣтъ;

²⁾ Международность производства сказывается, напримѣръ, въ такихъ случаяхъ: русская патриотическая открытка: поле карточки—русскій національный трехцвѣтнй флагъ; по бѣлому полю—дневка нотъ «Боже, Царя храни», въ синемъ полѣ, по серединѣ картинка... Шильонскій замокъ на Женевскомъ озерѣ!... Другая—«поздравительная» картинка—къ Р. Х.: русская надпись: «Съ Рождествомъ Христовымъ», а картинка—Миланскій соборъ въ снѣжную метель (печатано въ Вѣнѣ).

Я сама не грамотейка
Писарей знакомыхъ нѣтъ. ³⁾

Есть, впрочемъ, и угѣшительная по этому частушка:

Мы съ милочкомъ простились,
Больше не увидимся:
Мы на то располагаемъ—
Въ письмахъ перепишемся.

Другая дѣвушка сказываетъ:

Слава Богу, научилась
Письма милому писать,
Напишу милому записочку—
Никто не будетъ знать.

Милый-то заказывалъ ей:

Ты учись, учись забава,
Учись грамотѣ читать,
Учись грамотѣ читать,
Письмо милому писать.

Интересна и вполне къ темѣ нашей слѣдующая частушка:

Забавя снялся, срисовался;
Портретъ дѣвочки прислать:
— «Посмотри, моя бѣляночка,
Какимъ въ солдатахъ сталъ!» ⁴⁾

Для ознакомленія съ текстомъ солдатскихъ писемъ *со службы* и *о самой службѣ* предлагается нѣсколько наиболее ходкихъ и содержательныхъ писемъ, такъ сказать, мирнаго времени и времени войны. ⁵⁾

³⁾ Неграмотность лучше всего подчеркивается полезность писемъ съ *готовымъ* текстомъ. Однако, намъ не встрѣчались письма-бланки изъ деревень въ армию. Война вывала стремленіе дѣлать жепцинъ къ грамотѣ, главнымъ образомъ изъ-за желанія самимъ писать письма мужьямъ, сыновьямъ и т. д., а также читать ихъ письма съ фронта.

⁴⁾ По заграничнымъ образцамъ, въ нѣмѣцкую войну стали прививаться у насъ *бланки-паспорту* для солдатскихъ портретовъ-группъ съ рисунками военнаго арматуръ и надписями «Въ память военной службы» и т. п.

⁵⁾ Образцы почтовой солдатской бумаги бываютъ:

1) *Бумага для писемъ всякаго содержанія*. Цѣтки на нѣкоторыхъ листкахъ—это рельефныя накладныя картинки; 2) *Бумага для писемъ «поздравительныхъ» съ праздниками*: мы имѣемъ нѣсколько образцовъ разныхъ выдавательствъ; образцы различаются картинками сценъ военной жизни, а также украшеніями («травками») и арматурами, и 3) *Листки для писемъ къ роднымъ, съ стѣснанными впечатлѣніями о военной службѣ*.

Письма-бланки мирнаго періода:

а) Дорогіе мои родные,

Увѣдомляю васъ, что я живъ и здоровъ. Наука военной службы, благодаря Всемогущаго Бога, дается мнѣ легко, а почему я и пользуюсь расположеніемъ начальства и дружбою товарищей.

Приношу вамъ сердечную благодарность за ваше попеченіе обо мнѣ. Съ какою особою радостію я получаю ваши письма съ наставленіями и совѣтами, ведущими всегда меня къ добру и пользѣ по службѣ моей. Съ своей стороны желаю вамъ отъ Бога добраго здоровья и всякаго благополучія.

Любящій васъ. е)

(Издательство В. И. Врѣва, въ Нижнемъ-Новгородѣ).

б) Дорогіе родные,

Хотя Провидѣніе и раздѣлило меня съ вами, но что же дѣлать; будемъ молить Милосерднаго Бога, чтобы Онъ не оставилъ насъ Своею милостію, и будьте увѣрены, дорогіе родные, что почтительный сынъ вашъ всегда помнитъ о васъ и о вашихъ родительскихъ наставленіяхъ, всегда ведущихъ къ добру и пользѣ моей службы.

Моя служба, слава Богу, идетъ хорошо и чрезъ свое стараніе я удостоился любви отъ начальства и своихъ товарищей.

Поручаю себя вашимъ молитвамъ; прошу дорогого для меня родительскаго благословенія, многократно цѣлую васъ.

Остаюсь вашъ любящій сынъ.

(Издательство не обозначено).

в) Здравствуйте мои милые и дорогіе родные,

Находясь въ разлукѣ съ вами, я очень часто вспоминаю о всѣхъ васъ и очень жалю о томъ, что не могу всѣхъ васъ обнять и прижать къ моему искренно васъ любящему сердцу.

Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы увидѣть и расцѣловать васъ, мои дорогие! Будь у меня крылья, то я сейчасъ бы, въ минуту, прилетѣлъ на свою милую родину.

Но я теперь я не унимаю, остаюсь вѣрою и правдою служить Царю и Отечеству, и благодареніе Богу, начальство, кажется, замѣчаетъ мои старанія и отличаетъ меня отъ другихъ.

Не забывайте и вы меня и почаще пишите мнѣ; я очень дорожу вашими совѣтами и помощію.

е) Подпись сына распространяемая: сперучаясь вашими молитвамъ, прошу родительскаго благословенія и много разъ цѣлую ваши руки, остаюсь вашъ покорный и любящій сынъ.

Нлако кланяюсь вамъ и прошу васъ передать ннжайшій поклонъ всѣмъ моимъ знакомымъ и сосѣдямъ; *) крѣпко-накрѣпко цѣлую всѣхъ васъ и остаюсь жить и здоровъ, чего и вамъ отъ Бога желаю.

(Изданіе типо-хромолитографіи Корпусаго, въ Пгр.)

г) Милые и дорогіе мои родные!

Прежде всего, въ первыхъ строкахъ моего письма желаю вамъ отъ Бога всего хорошаго и молю Его, чтобы Онъ, Всемогущій, сохранилъ драгоценное для меня здоровье ваше.

О себѣ же я скажу вамъ, что я, благодаря Бога, служу на Царской службѣ и не скучаю, да и время ли солдату скучать? У насъ и въ пѣсняхъ поютъ:

Коль на службѣ стать служить,
Туть ужъ некогда тужить,
Надо пѣсенки лишь пѣть,
Надо дѣло разумѣть.

Вотъ какъ поютъ у насъ въ полку, но я все-таки не забываю васъ мои дорогіе, и моей милой родины и съ терпѣніемъ жду того времени, когда могу увидѣться съ вами и крѣпко обнять всѣхъ васъ.

Пожалуйста не забывайте меня своими письмами и своими совѣтами и помощію: вы сами знаете, что кромѣ васъ у меня нѣтъ никого близкихъ и что только на васъ однихъ вся моя надежда.

Затѣмъ, въ ожиданіи скорого вашего отвѣта остаюсь искренно васъ любящій.

д) Милые мои и дорогіе,

Послала вамъ, мой ннжайшій поклонъ, увѣдомляю васъ, что я слави Богу здоровъ и постоянно вспоминаю тѣ счастливыя минуты, какія я проводилъ съ вами.

Но легка Царская служба, много въ ней труда и отвѣтственности, но я, слава Богу, переборолъ все это и служу успешно, за что приобрѣлъ любовь ко мнѣ какъ ближайшаго моего начальства, такъ и своихъ товарищей по службѣ.

Весело пришлось провести вамъ нашъ полковой правдинъ, только что торжественно справленный нами. Было много приглашенныхъ со стороны. До поздняго вечера танцевались танцы и удалая пляска и лихо гремѣла солдатская пѣсня.

Остаюсь искренно любящій васъ-

(Изданіе типо-хромолитографіи Корпусаго, въ Пгр.)

*) Письмами родителямъ, родственникамъ и т. д. подписываются, обычно, поименно ниже печатнаго текста, иначе сроднѣ обидѣтъ.

Итакъ, судя по наиболѣе распространеннымъ образцамъ солдатскихъ писемъ со службы еще во время мира, можно заключить, что эти письма приоткрываютъ обществу и арміи: душевный характеръ отношеній къ роднымъ и въ частности—къ родительскому благословенію, указываютъ высоту религіознаго настроенія, съ чувствомъ вѣрнопопданничества, а также правильный взглядъ на долгъ службы, военное товарищество и утверждаютъ почтительность къ начальству. вмѣстѣ съ тѣмъ, между строкъ этихъ писемъ, проявляется и весьма хорошее отношеніе деревни къ отбытію воинской повинности. Эти положительные достоинства образцовъ солдатскихъ писемъ *выработаны* и *проводятся* въ жизнь безвѣстными авторами, а подчасъ и безвѣстными издателями, но несомнѣнно истинно русскими людьми, глубоко любящими Россію и русскую армію.

«Безъ возможно полнаго изученія произведеній народнаго творчества непонятны будутъ многіе законы и причины историческихъ явленій, къ выясненію которыхъ и стремится исторія, какъ наука» (А. В. Елисеѣвъ). И по нашей темѣ народное творчество открываетъ широкій горизонтъ къ познанію навѣяннаго духа.

Примѣры солдатскихъ писемъ-бланокъ за время войны:

I. Письма родителямъ.

Пишу тому, кто дорогъ сердцу моему.

Изъ мѣстныхъ казармъ
Гдѣ учусь германцевъ бить
Пусть друзья мои родные
Къ вамъ письмо мое летитъ.
Напишу вамъ про побѣды
Храбрыхъ русскихъ молодцовъ,
Расскажу вамъ о геройствѣ
Нашихъ доблестныхъ сыновъ...
Съ Богомъ въ битву, не робѣя,
Смѣло мы идемъ всегда.
Бьемъ и рѣшаемъ, не жалѣя,
Нечестиваго врага.
Мы идемъ путемъ правды
Славу, лавры добывать...
Смерть за вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.
Страха въ битвѣ мы не знаемъ,
Вѣдь Россіи мы сыны...
Съ нашимъ княземъ Николаемъ
Намъ Вильгельмы не страшны.
А Вильгельмъ-то такъ боится
Нашихъ доблестныхъ сыновъ!

Пулеметами гордится,
Убѣгаетъ отъ штыковъ.
Я надѣюсь скоро съ поля
Къ вамъ съ Георгіемъ приду,
Развѣ есть счастливѣй доля,
Чѣмъ служить Царю?
Будьте счастливы, здоровы,
И молитесь вы за Русь.
Всѣмъ я низко шлю поклоны
Вашимъ другомъ остаюсь.

Письмо.

Любвиные и дорогіе родители!

Въ первыхъ строкахъ письма моего спѣшу обрадовать васъ, что я по милости Божьей живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю. Судьба развѣединила насъ, но находясь и въ чужомъ краю, я часто думаю о васъ, мои милые. Подчасъ бываетъ сильное желаніе свидѣться съ вами и принять васъ къ горячему сердцу моему. Обо мнѣ же не безпокойтесь. Видно, такъ угодно было Господу Богу, чтобы я сталъ въ ряды войскъ призванныхъ защищать Царя-Батюшку и родную Русь-матушку. Со врагомъ сражусь я храбро и смѣло. Сильна же вѣра моя въ Господа Бога, что ужъ близокъ часъ расплаты со врагомъ, дерако нападавшимъ на нашу святую Русь, и что побѣда наша разнесется по всему свѣту бланому. Сердечная просьба моя къ вамъ, писать мнѣ частыя письма, которые читаю съ большимъ удовольствіемъ. Богъ дастъ, скоро ужъ съ побѣдой вернусь на родину, и тогда снова заживемъ миркомъ да ладкомъ. Пока же прощайте и вознесите горячія молитвы къ Царю Небесному о побѣдѣ нашей надъ врагомъ, и Онъ приметъ мольбу вашу. Прощу передать сердечный привѣтъ мой всѣмъ сосѣдямъ и знакомымъ.

Остаюсь крѣпко любящій.

«Кто моему письму радъ, тотъ пришлетъ отвѣтъ назадъ».

(Издательство А. Шугеръ, Симферополь).

Пишу тому, кто дорогъ сердцу моему.

Я не тужу въ краю далекомъ
Въ битву гроаую иду,
Тамъ въ краю идемъ родимомъ
Бога молить за меня,
Бога молить, чтобъ прогнали
Всѣхъ мы нехристовъ враговъ.
И отчизнѣ чтобъ воздали,
Славу прежнюю отдавъ.

Чтобы полную побѣду
 Богъ Россіи испослалъ
 Какъ послалъ Онъ ее дѣду,
 Что съ врагами поевалъ.
 Помолитесь въ Божьемъ храмѣ,
 Чтобы спасъ Онъ жизнь мою
 Отъ штыка и волчьей ямы.
 И вернулъ въ мою семью.
 Вѣрю твердо, Богъ услышитъ
 Вашу жаркую мольбу,
 Горе наше Онъ утѣшитъ,
 Не ропщите на судьбу.
 Мы живемъ нужды не зная
 Въ этотъ трудный, грозный часъ
 Наша родина спящая
 Все заботится о насъ.
 Будьте тверды: храбро, смѣло
 Дерзкихъ мы сразимъ праговъ,
 И свершивъ святое дѣло
 Къ вамъ вернусь я живъ, здоровъ.

П и с ь м о.

Моиъ дорогимъ родителямъ!

Въ первыхъ строкахъ моего письма, спѣшу сообщать вамъ, что я по милости Божьей живъ и здоровъ, чего и вамъ отъ души желаю.

Первая просьба моя къ вамъ, не забывайте про меня, а почаще молитесь за меня Богу. Вы сами знаете, что кромѣ васъ у меня нѣтъ никого близкихъ и что у меня на васъ однихъ вся надежда. Богъ дастъ возвращусь, я всѣми силами постараюсь отблагодарить васъ за все.

Еще прошу васъ почаще пишите ко мнѣ, ибо я дорожу вашими письмами и совѣтами. Какъ только получу ваше письмо я нѣсколько разъ его прочитываю и прочитавши его, я все равно какъ побываю въ кругу своихъ родныхъ.

И каждый день молюсь за всѣхъ васъ и прошу Господа Бога, чтобы онъ милосердный привелъ опять намъ встрѣтиться и прижать васъ всѣхъ къ искренно любящему моему сердцу.

Если бы вы знали мои дорогіе родные, какъ мнѣ подчасъ бываетъ скучно и если бы я имѣлъ крылья, такъ кажется и улетѣлъ бы на свою родимую сторонушку и обнять бы всѣхъ васъ и расцѣловать отъ души.

Но вы все-таки обо мнѣ не безпокойтесь, значить такъ Господу угодно, что пришлось и мнѣ защищать нашего Царя Батюшку и нашу дорогую вѣру и родину.

Я многого не требую отъ васъ, лишь вѣсточки небольшой, что вы живы и здоровы, когда я прочитаю эти для меня дорогія слова, я еще сильнѣй молю Господа Бога да сохранитъ онъ васъ на многія лѣта.

Мы вѣримъ, что въ недалекомъ будущемъ мы услышимъ отъ нашего Царя Батюшки о побѣдѣ нашей надъ врагомъ нашимъ и тогда вернемся мы опять въ родимую сторонушку.

Остаюсь любящій васъ.

«Кто моему письму радъ, тотъ пришлетъ отвѣтъ назадъ».

II. Тотъ же бланкъ, но другая форма обращенія:

Милому и дорогому брату!

Спѣшу обрадовать тебя, что я пока по Божьей милости живъ и здоровъ, чего и тебѣ желаю. Находясь въ той дальней разлуцѣ съ тобой, я очень часто вспоминаю о тебѣ, я молю Господа Бога, да подастъ тебѣ здравія и душеспасенія на многія лѣта. Не плачь и не тужи обо мнѣ. Знай, что я совершаю святое дѣло, такъ какъ защищаю Родину-Матушку и Батюшку-Царя отъ дерзкого врага. За всѣ же лишенія насъ награждать Господь, а Царь-Батюшка не оставитъ своею милостью. Помни же пословицу, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ». Мы твердо надѣемся, что грозный врагъ скоро запроситъ пощады и съ побѣдной пѣсней мы вернемся на нашу родимую сторону къ близкимъ и милымъ нашему сердцу.

Пока передай привѣтъ отъ меня всѣмъ нашимъ знакомымъ, соседямъ и родственникамъ.

Остаюсь любящій тебя,

(Издательство то же).

III. Тотъ же бланкъ и текстъ письма, но съ обращеніемъ къ «милрой и дорогой супругѣ».

IV. Письма женѣ:

Дорогая волюбленная сѣрдца моего!

Пусть на крыльяхъ любви полетитъ къ тебѣ мое письмо и расскажетъ тебѣ, что я, по милости Божьей, живъ и здоровъ, чего и тебѣ отъ всей души желаю. Увѣдомляю я тебя, что служба у меня хорошая и всѣмъ я доволенъ, да есть у меня на душѣ мысль одна: эта мысль дни и ночи все твердитъ мнѣ о тебѣ, твои чудныя, ясныя очи вижу всегда и неадѣ. Образъ твой милый витаетъ предо мной и очастливаго свиданія я жажду съ тобой!

Я рапортъ тебѣ, моя дорогая, приношу, благоволенія прошу и тебѣ и напишу, что про тебя моя тоска ужъ очень велика. И вспоминаю я, мое солнышко ненаглядное, золотые денечки, когда мы встрѣчались съ тобой и тогда сверкали твои очи, словно звѣзды среди ночи!

Въ моей вѣрности не сумлѣвайся, моя дорогая, и прошу я тебя, не забывай и люби меня, какъ я люблю тебя. И если-бъ крылья я имѣлъ, къ тебѣ бы прилетѣлъ, чтобы на мигъ увидѣть снова ясность ласковаго взора!

Обрадуй меня, ангель моей души, вѣсточкой и напиши, какъ живешь, да поживаешь и часто меня ли вспоминаешь? Когда я читаю твои милыя письма, то мнѣ кажется, что я вижу предъ собой твой слѣтлый образъ и легче мнѣ тогда переносить разлуку. И вѣру, дорогая, что близокъ день свиданія и сбудутся наши желанія! Вернусь я на родную сторонушку, аживемъ мы приживаючи, родителямъ въ утѣшеніе, а намъ въ умиленіе. Помни навсегда, моя радость, что ручей два дерева раздѣляетъ, но корни ихъ сплетясь растутъ, судьба два друга разлучаетъ, но вѣротъ ихъ сердца живутъ!

Затѣмъ до-свиданія. Посылаю я тебѣ тысячу поцѣлуевъ и прошу и тебя не замедлиль отвѣтомъ. И еще прошу я тебя, передай мой вижайшій поклонъ всѣмъ роднымъ, да друзьямъ-товарищамъ.

Въ ожиданіи твоей вѣсточки остаюсь вѣчно и неизмѣнно любящій тебѣ твой.

(Издательство Г. Берникеръ и Г. Сыпай, въ г. Вильнѣ. 1915 г.)⁸⁾

Милая супруга и дорогія дѣтки!

Спѣшу обрадовать васъ, что я живъ и здоровъ.

Мы далеко другъ отъ друга, но мысли мои всегда съ тобою и съ ребятишками.

Я чувствую, что благодаря вашимъ горячимъ молитвамъ, Господь оберегаетъ меня до сей минуты отъ вражескихъ пуль и штыковъ.

Не плачьте и не тужите обо мнѣ. Знайте, что я совершаю святое дѣло, такъ какъ защищаю родину-матушку и Батюшку-Царя отъ деракаго врага.

Лучше ходите чаще въ храмъ Божій и молитесь, чтобы онъ вернулъ меня къ вамъ здоровымъ и невредимымъ.

За всѣ же лишенія насъ награждать Господь, а Царь-Батюшка не оставитъ своею милостью. Помни пословицу, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба—не пропадають».

Я счастливъ, что на мою долю выпала великая честь защищать своею грудью святую Русь.

Господь не оставляетъ насъ своею помощію и ужъ близокъ часъ, когда дерзкій врагъ запроситъ у насъ пощады.

Когда вернусь я на родину и зайвемъ мы съ тобою по старому.

А пока—что, прошу тебя чаще писать мнѣ. Твои письма доставляютъ мнѣ большую радость. Береги дѣтей, да я сама не плошай.

Передай поклонъ и почтеніе всѣмъ нашимъ знакомымъ, друзьямъ, сосѣдямъ и родственникамъ.

Остаюсь любящій тебѣ твой супругъ.

(Издательство тип. Г. Эпеля, г. Симферополь).

На конвертахъ для солдатскихъ писемъ «Изъ дѣйствующей арміи» встрѣчается, напримѣръ, четверостишіе:

Лети письмо мое, лети
Не застрянь ты въ пути.
Вѣсть родимымъ принеси
И родимыхъ утѣши!

⁸⁾ Нынѣ г. Екатеринославъ.

Другой образецъ:

Лети письмо мое, лети
Безъ задержекъ въ пути.
И обрадуй родныхъ,
Я здоровъ и въ живыхъ.

Для тѣхъ, кто отрицательно смотритъ на народныя произведенія художества и письменности и готовы не придавать имъ подобающаго значенія, замѣтимъ, что къ настоящему времени и у насъ и за границей твердо установилось мнѣніе, которое можно выразить давно сказанными словами профессора Буслаева: «каковы бы ни были явленія народности, хорошія или дурныя,—они составляютъ *историческій фактъ*—готовое данное, выработанное въ прошедшемъ». Народныя искусство и литература, явленія самотныя, привнесены отъ прошлаго въ *современность* и потому въ то же время они элементы настоящаго; не знать ихъ, значить не знать міросозерпанія своего народа, значить быть далекимъ отъ пониманія его внутренняго міра. «Наблюдатель народнаго быта долженъ быть убѣжденъ, что все въ мірѣ и самое, повидимому, уродливое имѣетъ свою достаточную, если не разумную причину» (проф. Кистяковский). Безъ познанія простонароднаго мышленія, исторія не можетъ уяснять народнаго самосознанія (проф. Фирсовъ).⁹⁾

Приведенные образцы солдатскихъ писемъ, какъ трафареты, не заключаютъ въ себѣ, однако, главнаго—*души живої*, хотя и вѣрны мыслямъ и настроенію нашихъ воиновъ.

Но «душа» русскаго солдата прекрасно, всецѣло, открывается въ тѣхъ его письмахъ, которыя онъ сможетъ по времени и степени грамотности составить и написать самолично, подъ непосредственнымъ наплывомъ одушевляющихъ его помышлений-чувствъ, подъ вліяніемъ переживаній и именно подъ угломъ его самосознанія,—понятій, воспитанныхъ родомъ-племенемъ и родной старинушкой, на неизблемыхъ отъ старины стародавней основахъ *религіозности* и *народной морали*, какъ послѣдняя сказывалась и сказывается по народной вѣковой самотной мудрости.

⁹⁾ Но... надо имѣть въ виду, что: «жизнь народнои массы, какъ предмета исторіи, вовсе намъ неизвѣстна» (Л. Миллюковъ, «Очерки изъ исторіи русскои культуры»).

Вѣрно складывающееся нынѣ вездѣ мнѣніе, что солдатскія письма нашего времени—«историческое проявленіе умозрѣній и психологіи современной народной массы;—въ нашу великую эпоху, по удачному мѣткому выраженію К. Чуковского: «заговорили молчавшіе...»,—солдаты. ¹⁰⁾

Вопросъ новый и онъ полонъ животрепещущаго интереса и даже прямо крупнаго народно-бытового, а слѣдовательно и государственнаго значенія.

Рядъ мыслей К. Чуковского заслуживаетъ особаго вниманія, по своей новизнѣ и образности («Рус. Сл.» апрѣль 1915).

«Солдатскія письма—созданіе нашей эпохи. Прежніе вѣка ихъ не знали. Не то, чтобы ихъ не было раньше, но раньше они были курьезъ, раритетъ, а теперь—бытовое явленіе».

Дѣло не въ отдѣльномъ солдатскомъ письмѣ, какъ бы ни было оно занимательно, а въ цѣломъ—потокѣ этихъ писемъ, затопившихъ собою весь міръ! Тѣмъ-то и дорого это явленіе, что оно хоровое, гуртовое, оптовое. Для социолога въ немъ откровеніе. Для изучателя массовой психики оно—драгоценнѣйшій кладъ. Словно вдругъ распахнулась какая-то дверь, и предъ нами развернулся океанъ. Прежде до насъ долетали только мелкія, случайныя брызги, а теперь онъ весь передъ нами, во всю ширину горизонта!

Въ молчаніи, безъ рѣчей, какъ нѣмые, прошли по кровавымъ полямъ ратники московскихъ царей, легионаріи Цезаря, ландкнехты, конквистадоры, гунны, и вотъ, наконецъ-то, черезъ тысячи лѣтъ впервые обрѣли они голосъ.

Исторія сохранила для насъ лишь голоса полководцевъ, ихъ крылатые слова и приказы, а къ «пушечному мясу» не прислушивалась, ибо «пушечное мясо» молчало; теперь же, напротивъ, молчатъ полководцы, окутанные непроницаемой тайной, молчатъ и Китчинеръ, и Жоффръ, и Френчъ, но говорятъ тѣ многомилліонныя сонмища, которыя они ведутъ за собой.

Ихъ голоса въ этихъ письмахъ, въ замусоленныхъ лоскуточкахъ бумаги, въ каракуляхъ «изъ дѣйствующей арміи»,—голоса уральцевъ, сибиряковъ, сингалезцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, зуавовъ, казаковъ, бедуйновъ, новозеландцевъ, канадецъ, чешскихъ и хорватскихъ соколовъ, прусскихъ уланъ и т. д., и т. д.

По народностямъ, въ этихъ письмахъ воплощенъ не солдат-

¹⁰⁾ Книга К. Чуковского «Заговорили молчавшіе» (англичане и война—письма англійскихъ солдатъ), съ 90 иллюстраціями, обьявлена для чтенія въ войскахъ, лазаретахъ и военно-учебныхъ заведеніяхъ (цѣна 1 рубль). Пгр.

скій, а народный идеалъ, который воплощался доселѣ въ коллективныхъ народныхъ созданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ, легендахъ и сказкахъ.

— Намъ не нужно Гомеровъ и Тассо, мы будемъ сами своими Гомерами!—якобы сказали эти милліоны людей и милліонами перьевъ на милліонахъ клочковъ пишутъ свою Илиаду...

За время нынѣшней войны впервые сборники солдатскихъ писемъ стали выходить въ Англію (изданія Дж. Эдкока и Кильпатрика) и подобные сборники должны бы «по праву замѣнить собою корреспонденціи съ театра войны: въ нихъ достовѣрнѣйшее изложеніе событій», ¹¹⁾ или же, по крайней мѣрѣ—выраженія массоваго настроенія.

К. Чуковский, получившій англійскія и русскія письма, дѣлаетъ оговорку, что письма англійскихъ солдатъ по фактичности изложенія настоящая «корреспонденція», въ письмахъ же русскихъ солдатъ—«факты въ нихъ зыбки и смутны; главное въ нихъ «психея»—душа...», *въ нихъ интересенъ не столько фактический, сколько психологическій, бытовой матеріалъ.*

Характернѣйшій, очень показательный случай: когда одному собирателю британскихъ солдатскихъ писемъ, мистеру Джону Эдкоку, понадобилось привести въ своемъ сборникѣ описаніе душевныхъ переживаній солдата, впервые попавшаго въ бой, онъ былъ принужденъ обратиться именно къ русскимъ источникамъ.

Онъ прямо говорить въ своей книжкѣ:

— Самый яркій, живой и подробный отчетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ подъ адскимъ огнемъ современныхъ баталій данъ русскимъ артиллеристомъ, раненымъ, въ письмѣ изъ петроградскаго госпиталя, и приводитъ длинный рассказъ, напечатанный первоначально въ «Рѣчи».

Другой собиратель писемъ, мистеръ Дж. Кильпатрикъ тоже, чуть дѣло дошло до психологіи, обратился къ письму нѣкоего рядового Иванова.

Газета «Daily Chronicle» напечатала тоже одно письмо русскаго солдата, посвященное анализу душевныхъ переживаній... ¹²⁾

¹¹⁾ Въ послѣднее время подобные же сборники стали выходить и во Франціи и Германіи (подъ строгой цензурой).

¹²⁾ Въ то время, какъ въ Англіи вышли уже десятки томовъ солдатскихъ писемъ, подъ различными заглавіями—«русскія солдатскія письма приходятся, по замѣчанію К. Чуковского, искать въ англійскихъ книгахъ...».—«Приходскій Листокъ», съ самаго начала войны, рекомендовалъ вниманію нашего сельскаго духовенства составленіе подобныхъ сборниковъ. Но...

Отмѣчается еще одна любопытная и тоже, такъ сказать, этнографическая русская черта въ письмахъ нашихъ воиновъ—это ритмъ,—иначе *пѣсенный складъ и ладъ* писемъ. «Солдатская эстетика требуетъ, чтобы письмо было написано въ рѣзю, стилизмъ старорусскаго раешника, и если въ началѣ письма—источивая, трезвая проза, то къ концу оно, такъ и жди!—располяшется станеть бойчѣе, размахистѣе...».

Въ подтвержденіе этого совершенно правильнаго заключенія, К. Чуковский приводитъ слѣдующія выписки.

Послание уральскаго (или донскаго?) казака:

„Стоимъ на рѣчкѣ Вислѣ, прудимъ ее германцами. Крови,—въ голенища заливаютъ. Вода въ Вислѣ изъ бѣлой стала красной, рудой подплыла. И стала отъ этого Висла называться Нѣманомъ или Германомъ (!). А еще извѣщаю вамъ, дорогіе родители, батенька и маменька, что коня подо мною убили, природнаго нашего Бурчина, и досталъ я себѣ германскаго коня. Конь не плохой, а все... претъ въ Германцію, никакъ не удержишь“...

«Все здѣсь, говоритъ г. Чуковский, фантастично, раззолочено древне-пѣсеннымъ эпическимъ орнаментомъ: этотъ конь, который рвется въ Германію; эта Висла, которая сдѣлалась Нѣманомъ, въ которой вода была «бѣлая», а нынѣ «рудой подплыла». Но развѣ съвозъ эту поэтичную ложь не чувствуешь прелестно-пѣвческую душу щепетливаго Алеши Поповича!».

И какъ щемящая прелесть въ этомъ священномъ обрядѣ крестьянскихъ, деревенскихъ поклоновъ, занимающихъ почти половину письма:

„Пущено письмо отъ любезнаго брата нашего, ридового Юхима Хванасовича, Любезная сестра Настасья Хванасовна, посылаемъ вамъ нымакой поклонъ отъ бѣлаго лица до сырой земли и еще кланяемся законному супругу нашему Мыкитѣ Ларивоновичу отъ бѣлаго лица до сырой земли, и еще кланяемся дочкѣ вашей Кулимѣ Мыкитышнѣ, и еще кланяемся своему крестнику Охрему Мыкитовичу и съ любовью нымакой поклонъ отъ бѣлаго лица до сырой земли и пропишетъ намъ на счетъ его: чи они ходять, чи цо тильки пазеть?“

Въ слѣдующемъ письмѣ, въ его началѣ, чуть замѣтенъ торжественный былинный кадансъ:

Письмо изъ окоповъ съ передней позиціи. | Сижу я въ окопахъ на передней позиціи, | соткнувшись носъ къ носу съ противникомъ—

Такой размѣръ, незамѣтно для автора, проходитъ сквозь все письмо. Но къ концу ояъ все удалѣе, забористѣе:

Вот нашъ кайзеръ наконецъ
Свернул на крѣпость Осовецъ
И тамъ свернули ему носъ
И заметался он, какъ пестъ,
Забрал винтовки и лопаты,
Пошел скорей на Карпаты.
И там дадут дубину фъ спяну
Тогда уйдетъ прямо къ Борлину.
Тогда и будетъ там сидеть,
На насъ малодзикофъ глядеть.¹³⁾

Стремленіе писать рѣзюванною прозою отмѣчено уже выше помѣщенными *письмами-бланками* IV—VI и ниже будутъ встрѣчаться письма ритмическаго склада, очень характерныя.

Необходимо еще указать, что солдатскія письма зачастую проникнуты мистическимъ направленіемъ, и верѣдко—фатализмомъ.

Еще нѣсколько любопытныхъ замѣчаній-наблюденій по поводу солдатскихъ писемъ въ настоящую войну,—именно въ отношеніи ихъ стихосложности... и высокаго духовнаго подъема.

«Заговорили молчавшіе», но этого мало, «сѣрые герои»—солдаты стали засыпать редакціи своими письмами: работники войны, среди ужасовъ боя, въ сырыхъ темныхъ окопахъ, находятъ, оказывается, время и силы заниматься еще «литературой»...

«Господинъ редакторъ, если возможно, то напишите въ газете наше посланіи,—просятъ авторы.—Посылаемъ стихъ. Приветъ и миръ всѣму народу отъ русскихъ солдатъ съ передовыхъ позиций»...

Вотъ это то и знаменательно—почти всѣ *посылаютъ* изъ арміи «стихъ»...

Л. В. Ебдокимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹³⁾ Подлинникъ написанъ сплошными строками.
„В. Сб.“ № 11, 1916.